

Современные проблемы. Библиотека

Лидия Андреевна Петрова

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕЙ СЕМЬИ

Оглавление

Предисловие редактора	3
Из истории нашей семьи	9
Из истории семьи Тихомировых	11
Папины корни	11
Дом на хуторе	24
Папа и мама	36
Папины сёстры	41
Из семейного альбома	50
Из истории семьи Быковых	54
Мамины корни	54
Мама	61
Мамины братья и сёстры	66
Быковы и Тихомировы	75
В Смоленщине	77

Предисловие редактора

Моя мама, Лидия Андреевна Петрова (урождённая Тихомирова), часто говорила мне, что только в детстве чувствовала себя по-настоящему счастливой и защищённой. Вероятно, именно поэтому она любила вспоминать о событиях своего детства, о родителях, о бабушке с дедушкой, которые всегда жили вместе с ними, об их окружении. Часто она вынимала альбомы со старыми фотографиями и, рассматривая их, вела своё повествование. Мне нравилось слушать её рассказы, и я старалась записывать их на диктофон. Много из того, что она рассказывала, мне было хорошо известно от её родителей (моих бабушки и дедушки), но она рассказывала о тех, кого знала лично, с кем долгие годы жила рядом.

Для меня эти рассказы были живой историей нашей семьи, и летом 2020 года, когда маме было уже 96 лет, я решила расшифровать эти аудиозаписи, чтобы сохранить её воспоминания для нас и наших потомков. По ходу расшифровки возникали дополнительные вопросы, на которые она охотно отвечала. Чего она не помнила, я старалась узнать другими путями: через родственников, приславших нам имеющиеся у них фотографии, фотокопии старинных документов и пр., а также через интернет. Так появился этот текст, проиллюстрированный многочисленными фотографиями из её альбома.

Готовые разделы воспоминаний я стала размещать на нашем сайте «Современные проблемы. Библиотека». И вот 7 февраля 2023 года мне пришло электронное письмо:

«Здравствуйте, Людмила Павловна! Я прочитала в интернете мемуары Вашей мамы Лидии Андреевны Петровой. Я — внучка двоюродной сестры Вашей мамы Лидии Николаевны Вемберг, меня зовут Оксана. Мне было очень интересно читать воспоминания о своих родственниках, некоторые фотографии, выставленные в интернете, есть и у меня. Прделан огромный труд, низкий поклон за это. Если у вас есть возможность встретиться, то мне бы очень хотелось задать Вам ещё вопросы. Я живу в Новосибирске. Буду очень благодарна, если Вы мне ответите.»

К письму прилагалась очень старая фотография без подписи, какой не было в нашем альбоме, но на ней мы с мамой сразу же узнали её бабушку с дедушкой в молодости.

Бабушка и дедушка в молодости (сидят)

Вскоре Оксана вместе со своей мамой приехала к нам в Академгородок, и мы чудесно провели время, рассматривая семейные фотографии и рассказывая друг другу семейные истории.

Оксана оказалась настоящим энтузиастом! По следам наших воспоминаний она стала вести поиск по различным архивам через интернет и нашла там много для нас интересного: мы узнали, когда, где и как погибли некоторые из наших родственников во время Первой и Второй мировых войн, а также во время “большого террора”. Дополнительные сведения нашлись о Семёне Андреевиче Тихомирове (старшем брате маминого отца) и его сыне Валерии. Кроме того, мы смогли заглянуть на два поколения в глубину веков, получив сведения о бабушке маминого деда! Это священник Пётр Иванович Благосклонов, большую часть своей жизни служивший в Уриковской церкви. Потом его сменил на этом посту его внук, Захарий Николаевич Тихомиров, младший брат маминого деда Андрея Николаевича Тихомирова, с которого она начинает свои воспоминания. Теперь, составляя нашу родословную, мы будем начинать с **Петра Ивановича Благосклонова**. Мой дальнейший рассказ о нём и его ближайшем для нас родственном окружении.

Спасская церковь в селе Урик. Фото 2020 г.

Церковь, в которой он когда-то служил, — самая старая постройка в Урике и самая первая каменная церковь за пределами Иркутска. Построенная ещё в конце 18 века, в 19 веке она пережила свой высший расцвет, продолжала действовать во время револю-

ции и гражданской войны, но уже в 1929–1930 годах (по свидетельству сельчан) церковь была закрыта и позже в ней устроили склад, где стали хранить сельхозинвентарь. Постепенно храм разрушался, приходя в аварийное состояние.

В результате многолетних усилий Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, при участии других культурных организаций, разрушающаяся Спасская церковь была объявлена памятником федерального значения, а Урик заповедным селом. Произошло это в 1982 году, но лишь с 2002 года в ней возобновились богослужения, а ремонт и реставрация продолжают до сих пор.

В 2021 году появилась статья “Урик. История Спасского храма (из госархива)”¹. Статья написана на основе документов, хранящихся в Иркутском государственном архиве, и повествует как об истории самой церкви, так и о её священнослужителях, в том числе о наших предках Петре Ивановиче Благосклонове и Захарии Николаевиче Тихомирове. Вот из неё фрагменты, посвящённые Петру Ивановичу Благосклонову (орфография сохранена):

“В 1866 году из Иркутского Кафедрального Собора по собственному его желанию, в Уриковскую церковь переведен Священник Петр Иванов Благосклонов. Проживает в купленном от общества доме — деревянном, поместительном и удобном.

... Все эти работы — благоустройство, заботы о благолепии Храма, осуществлялись священником Петром Ивановичем Благосклоновым (39 лет), а с 15 января 1872 года он, кроме всего прочего, был определен законоучителем в Уриковское приходское училище.

... На средства прихожан, т. е. все того же Общества, в году был построен дом для Диакона и псаломщика. А в 1898 построен новый дом Протоиерею о. Петру Благосклонову.

Этот священник, служивший в Спасской церкви с 1866 года, несомненно, пользовался большим уважением прихожан, тому свидетельство — столь широкие масштабы образования — обучалось до 200 детей, из них почти треть девочек. В 1899 году о. Петр Благосклонов стал заведующим церковно-приходской школой и в том же году его заслуги были отмечены Св. Синодом и правительством: «за 25-летнюю беспорочную службу и труды по народному образованию» он был награжден орденом Св. Анны II степени, а еще позже — Св. Владимира IV степени.

... В 1907 году в Спасской церкви начал служить Священником 23-летний внук Протоиерея о. Петра Благосклонова «за штат» —

---

¹<https://spas-urik.cerkov.ru/2021/05/10/istoriya-xrama-arxiv/>

о. Захария Тихомиров.

... По объявлению Русско-Германской войны, в сентябре 1914 года, по личному прошению Протоиерей о. Захария Николаевич Тихомиров был призван на военную службу в действующую армию. Вместо него временно стал служить его дед – заштатный священник о. Петр Иванович Благодклонов.”

Упоминание о Петре Ивановиче Благодклонове есть также в статье Эльвиры Каменщиковой “Из жизни священников Алякринских (Иркутск)”¹:

“Угол Медведниковской и Мясной² был гнездом священников Благодклоновых и Алякринских, служивших по разным приходам Иркутской губернии.

Священник Пётр Благодклонов привёз из деревни два дома и поставил их связкой по улице Медведниковской до Мясной, внутри двора были ещё дома. А на самом углу стоял дом священника Андрея Алякринского, служившего в церкви села Урик, там же и был похоронен в ограде церкви.

В доме, на самом углу Медведниковской и Мясной жил потом Аркадий Андреевич Алякринский, женатый на дочери Петра Благодклонова (Любови Петровне).

... В роду Алякринских был ещё один священник, Тихомиров Захар Николаевич. Служил он в Уриковской церкви. Был женат на внучке Петра Благодклонова, дочери Ольги Петровны, сестре жены Аркадия Андреевича.”

Из этих двух статей мы среди прочего узнали, что Захарий Николаевич Тихомиров — внук Петра Благодклонова, а значит и мамин дедушка Андрей Николаевич Тихомиров (родной брат Захария) тоже внук Петра Благодклонова.

Жена Захария Николаевича Марья Егоровна, которую мама хорошо знала (см. текст на стр. 43 и фото на стр. 44), тоже была внучкой Петра Благодклонова — по линии его дочери Ольги Петровны. Известно, что браки в то время заключались преимущественно внутри своего сословия, а поскольку в небольших населённых пунктах представителей одного сословия (особенно духовенства) было совсем немного, то браки между дальними родственниками были не такой уж большой редкостью.

По какой линии от Петра Благодклонова происходили его внуки Андрей и Захарий Тихомировы, мы не знаем. О их родителях

¹<https://www.pribaikal.ru/irkutsk-item/article/19921.html>

²Обе улицы переименованы. Медведниковская стала ул. Халтурина, а Мясная — ул. Франк-Каменецкого.

известно только то, что они умерли рано, когда Андрею, старшему из детей, было 16 лет. Тогда его обвенчали с Анисией Громовой и супруги взяли на себя дальнейшее воспитание младших: Захария, Агафангела и Анны. Судя по фамилии и отчеству сирот, отца их звали Николай Тихомиров, и можно предположить, что он тоже был женат на одной из дочерей Петра Благодского.

Что касается самого Николая Тихомирова, то Оксане Шагинян удалось найти некролог 1887 года, из которого известно, что **«священник Горно-Зерентуйской Вознесенской церкви Николай Тихомиров 10-го мая с. г. волею Божию умер»**.¹ Имеет ли отношение этот Николай Тихомиров к нашей семье или только однофамилец, пока достоверно не известно — для доказательства родства нужны дополнительные сведения, а против говорит сопоставление хорошо известных дат. Известно, что Андрей Николаевич Тихомиров был на 7 лет младше своей жены, Анисии Дмитриевны Громовой. Точно известно, что она родилась в 1859 году, значит он в 1866? Тогда 16 лет ему было в 1882, а не в 1887 году, когда умер священник из Горно-Зерентуйска. Верно и то, что многие даты в то время записывали не по документам, а со слов прихожан, по памяти.

Вдохновлённая находками Оксаны, я тоже возобновила свои поиски в интернете. Больше всего мне хотелось разыскать сведения о профессиональной деятельности маминого дедушки Андрея Николаевича Тихомирова. Мама совсем ничего не говорила о его службе, поскольку знала его лишь в последние годы его жизни, когда он уже не служил. И мне повезло! Оказалось, что в Государственном архиве Иркутской области сохранились метрические книги некоторых церквей. Их отсканировали и выложили в интернет. Среди этих книг мне удалось разыскать записи, сделанные при Андрее Николаевиче Тихомирове и заверенные его подписью. Теперь мы знаем, когда, где и что он делал на посту священника.

Для удобства чтения все дополнительные сведения, почерпнутые нами из архивов, вставлены прямо в основной текст воспоминаний. А чтобы вставленные фрагменты не смешивались с основным текстом, они оформлены в виде абзацев меньшей ширины, поэтому сразу видны.

На передней обложке фотография мамы, сделанная летом 2023 года, ей 99 лет. На задней обложке снимок, сделанный десятилетием раньше: мы с мамой сидим в летнем кафе на Морском проспекте.

Л. П. Петрова

---

¹Источник — Иркутские Епархиальные Ведомости, 1887.

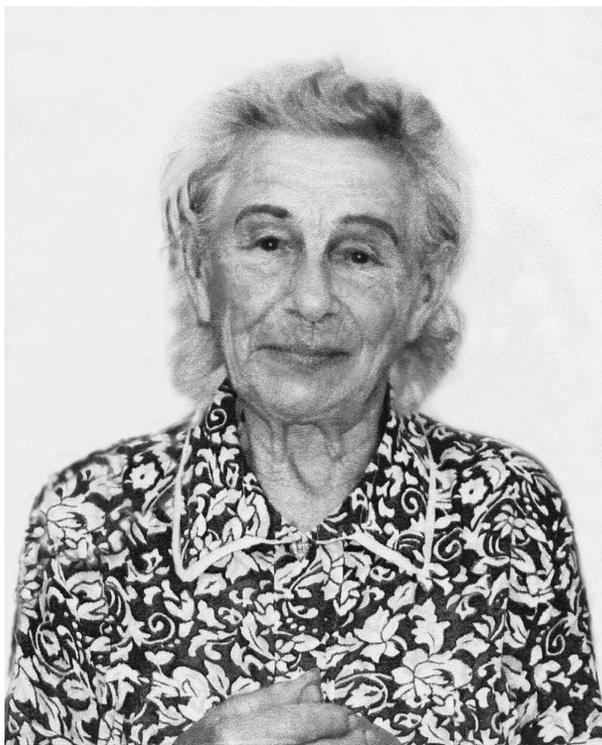

Лидия Андреевна Петрова

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕЙ
СЕМЬИ

Лидия Андреевна Петрова, урождённая Тихомирова

У каждой семьи своя история. Она жива, пока потомки поддерживают память предыдущих поколений. В наших семейных альбомах издавна хранятся старые фотографии. С них смотрят мои бабушки и дедушки, дяди и тёти, их дети и близкие им люди. Эти фотографии живы, пока мы знаем, кто на них изображён и каковы судьбы этих людей. Мне уже 96 лет, и я осталась единственным представителем нашей семьи, хоть что-то помнящим о наших давних предках. Настало время поделиться этими знаниями с моими потомками, чтоб не распалась связь времён и оставалась живой история нашей семьи. Моим детям, внукам, правнукам и их потомкам начну рассказывать о наших общих предках, чьи судьбы тесно связаны с историей нашей страны. Мой первый рассказ о папиных корнях.

Из истории семьи Тихомировых

Папины корни

Лучше всех моих предков по линии отца я знаю бабушку, Анисию Дмитриевну, поскольку она всегда жила вместе с нами, до самой её смерти.

Анисия Дмитриевна Тихомирова, урождённая Громова (1859–1944)

С её происхождением связано семейное предание, которое я многократно слышала от моего папы, Андрея Андреевича Тихомирова. Он говорил, что купец Громов в романе В. Я. Шишкова “Угрюм-река” имел реальный прообраз. Так вот этот реальный купец, оказавшись на Алеутских островах, подружился там с каким-то знатным алеутом, и когда уезжал домой, тот отдал ему своего сынишку. Купец стал крёстным отцом этого маленького алеута, который при крещении получил имя Димитрий, а поскольку жили они в Громах,

фамилию ему дали Громов. Тогда простые люди обычно получали фамилию по месту жительства: в деревне Бархатово все были Бархатовыми, в Быково — Быковы, а в Горохово — Гороховы. Мальчик рос в его доме, стал священнослужителем и женился на русской девушке. Среди их детей была и моя бабушка, Анисия Дмитриевна Громова. Я также помню, что однажды у нас гостил её племянник Лев Громов, а потом приехала его сестра и вместе со Львом они куда-то уехали. Алеутские черты хорошо видны на портрете моей бабушки. Они передались также большей части её детей, хотя и не всем.

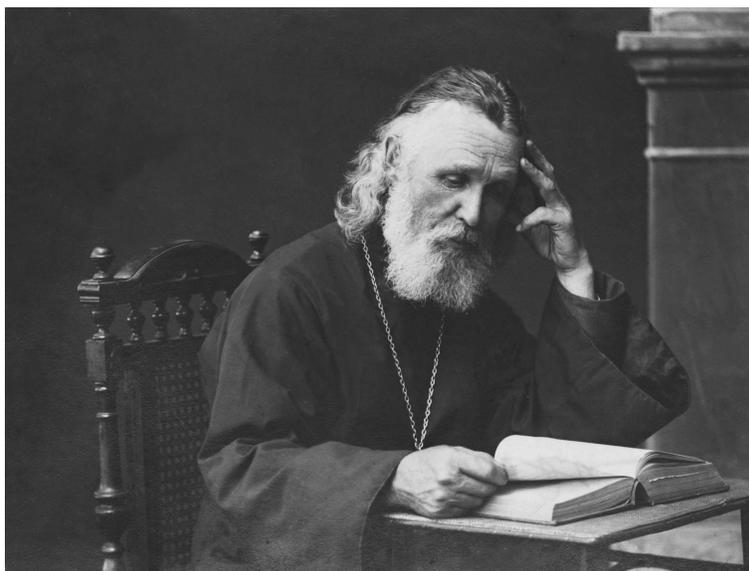
Не знаю, кем в точности был её отец — по-видимому, дьяком. Из рассказов бабушки я так поняла тогда, что у него были ученики, которые приходили к нему домой по несколько человек — только мальчики. Он учил их грамоте. А бабушка была очень любознательная, ей тоже хотелось учиться, но девочек учить было не принято. Она где-нибудь пряталась, чтобы отец её не увидел, и слушала урок. Так она научилась читать и писать. Она много читала и сама писала письма, в то время как другие девочки, её сверстницы, были неграмотны. Отец у неё был очень строгий, и девушкой она никогда не имела возможности куда-нибудь пойти, где собиралась молодежь. Она всё время была дома, помогала матери по хозяйству. А в 23 года её выдали замуж за дедушку, Андрея Николаевича Тихомирова, которому тогда было всего 16 лет. По сравнению с ней он был совсем мальчишка, никаких чувств она к нему не могла испытывать, хотя постепенно появилась привязанность. Она говорила мне: “Говорят, что есть такое чувство «любовь», я его не испытала”.

А дедушке было 16 лет, когда умерли его родители и он остался старшим в семье. Кроме него осталось ещё двое младших братьев и сестра: Захарий, Агафаний и Анна. Тогда добрые люди и приняли решение женить его на Анисии Громовой¹. Она была девушка умная, приученная к труду, к тому же на 7 лет старше его, и на неё можно было положиться. Ей пришлось заменить всем им мать. Потом пошли свои дети, всего 14 человек. Правда, в живых осталось только семеро, остальные умерли в детстве. Старшим был Семён

---

¹В одном из писем Оксана Шагинян написала: “. . . я нашла Дмитрия Громова! Он служил в Уриковской церкви дьячком, а священником этой церкви был Пётр Благодосклон. Я докопала до 1869 года. Фамилия Громовых распространённая, дьячок Дмитрий Громов один! Поэтому совершенно точно, что это отец Анисии Громовой! И теперь понятно, кто и каким образом посодействовал женитьбе Андрея Тихомирова и Анисии Громовой — дедушка Андрея с одной стороны и отец Анисии с другой.”

(р. 1887), потом Вениамин (ум. 1915), Елена, Ирина (1892–1971), Андрей (1898–1976), Нина (1902–1995) и Николай. Жили они в Иркутской области, переезжали из одной деревни в другую, вверх по Ангаре, вниз по Ангаре — куда дедушку направляли деревенским священником, там он и служил.

Андрей Николаевич Тихомиров (1866–1932). Фото 1914 г.

О служебной деятельности дедушки нам почти ничего не было известно. Но в последнее время архивы начали сканировать свои фонды и выкладывать их в Интернет. Так стали общедоступными сохранившиеся метрические книги некоторых церквей, хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области. Среди них удалось найти сведения и о служебной деятельности Андрея Николаевича Тихомирова. Вот «Метрическая книга Громовской — Петропавловской и Кежемской — Николаевской церкви Нижнеудинского уезда Иркутской области за 1906, 1907, 1908 годы.»¹ Первые 66 страниц — это ежедневные записи в метрическую книгу Громовской церкви Петра

¹<https://yandex.ru/archive/catalog/d7a6bbb8-e78d-4002-b8a7-892b4ae61b68/1>

и Павла. В ней записаны все “родившиеся, браком сочетавшиеся и умершие” в течение 1906 года: Часть 1 — Рождение (стр. 3–35); Часть 2 — Бракосочетания (стр. 36–46); Часть 3 — Умершие (стр. 47–66).

Из записей видно, что все обряды в этой церкви совершал священник Андрей Тихомиров с одним из своих помощников — псаломщиками Николаем Пляскиным и Арсением Колосовым. Эти записи дают ясное представление почти о каждом дне его службы на посту священника в течение 1906 года: кого и когда он крестил, кто родители крещённого; кого сочетал браком, звание и возраст жениха и невесты; кого исповедал и приобщал перед смертью, устанавливал причину его смерти и присутствовал при погребении на одном из кладбищ — Громовском, Нижнесуворовском, Парилевском или Верхнебаяновском. В селе Громовское (Громы) в то время проживало всего 600–700 человек, но прихожанами были также жители соседних деревень, где не было собственной церкви.

А вот “Метрическая книга Братской волости Петро-Павловской Громовской церкви Нижнеудинского уезда за 1903, 1904, 1908 г.”¹ Из этой книги видно, что в 1903 году в церкви села Громовское служил священник Роман Алексеев, а в 1907 и 1908 гг. — священник Андрей Тихомиров.

Это значит, что Андрей Тихомиров начал служить в церкви села Громовское не раньше 1904 года; в 1906, 1907, 1908 гг. он там точно служил; продолжал там служить и в 1912 году, поскольку есть фотография, отправленная из Томска в Громы в 1912 году (см. на стр. 20).

От мамы известно, что потом её дедушка служил в церкви села Быково. Переселился он туда из Громовского скорее всего в 1914 году, поскольку известно, что с этого времени в Громовской церкви Петра и Павла начал служить священник Порфирий Михайлович Попов. Он служил там до 1932 г., а потом был арестован и осуждён за “религиозную пропаганду”, после чего в церкви разместили сельский клуб, а в 60-е годы село Громы ушло

---

¹<https://yandex.ru/archive/catalog/fe0115d4-e2d9-46f2-be6f-36d9430e93b4/34>

Церковь Петра и Павла в селе Громы. Фото середины XX века

под воду Братского водохранилища¹. Сохранилось фото Громовской церкви Петра и Павла. Оно было сделано в середине 20-го века, перед затоплением села Громы. К тому времени церковь давно уже не действовала. А когда-то в ней служил мамин дедушка Андрей Николаевич Тихомиров.

По тому же пути пошёл и его младший брат Захарий. Он окончил Иркутскую духовную семинарию и служил в деревенских церквях. В то время, когда я его видела, он был священником в деревне Горохово. Она находилась по соседству с селом Быково, где жила наша семья.

Но постепенно новая власть наступала на церковь. Дома об этом не говорили, но в 1932 году, когда я пошла в первый класс, нам в школе объяснили, что бога нет. Я пришла домой и тут же сообщила об этом бабушке. Она ничего не сказала, но видно было, что сообщение это ей не понравилось. Потом папа объяснил мне, чтобы я больше не говорила бабушке, что бога нет.

---

¹<https://sobory.ru/article/?object=39311>

В 1919 году в Иркутске была закрыта Духовная семинария. С начала 30-х годов стали разрушать храмы. В 1932 году был взорван Кафедральный собор Казанской иконы Божией Матери. Кто-то, кажется папа, успел его сфотографировать, и фотография эта хранится в нашем семейном альбоме. Когда-то этот собор украшал Тихвинскую площадь — главную площадь Иркутска, впоследствии переименованную в площадь Кирова.

Кафедральный собор, разрушенный в 1932 году

Разрушая храмы, преследовали священнослужителей, и Захарий, чтобы спастись от преследования, пошёл работать маляром на завод. Это ему не помогло. Однажды за ним пришли люди из “органов” и куда-то увели. Он исчез, и с тех пор ничего о нём узнать не удавалось.

Лишь совсем недавно, в 2023 г., Оксане Шагинян удалось найти на сайте “Бессмертный барак”¹ сведения о его дальнейшей судьбе:

“Тихомиров Захар Николаевич, 1881 г.р., урож. с. Усть-Кут Иркутского района Иркутской области, житель г. Иркутск, источник Иркутского завода № 125, среднее, б/п, русский. Арестован 11.03.38 г. по ст. 58-7; 8, 9, 10, 11.

¹<https://bessmertnybarak.ru/books/person/2175817/>

Захарий Николаевич Тихомиров (1881–1938). Фото 1904 г.

Осужден ПТр. УНКВД Иркутской области от 17.06.38 г.
Расстрелян 30.06.38 г. Реабилитирован 23.02.57 г.”

Небольшой фрагмент о нём есть в статье Э. Каменщи-
ковой “Из жизни священников Алякринских (Иркутск)”:¹

“В роду Алякринских был ещё один священник, Ти-
хомиров Захар Николаевич. Служил он в Уриковской
церкви. Был женат на внучке Петра Благослонова, до-
чери Ольги Петровны, сестре жены Аркадия Андреви-
ча. Сколько было проведено счастливых летних дней в
Урике, когда туда съезжалась вся семья Алякринских
во главе с Аркадием Андреевичем.

Захар Николаевич некоторое время служил в церк-

---

¹<https://www.pribaikal.ru/irkutsk-item/article/19921.html>

ви села Горохова, а когда, очевидно, понял во что превращается жизнь, оставил пастырское служение и стал простым истопником. Его арестовали 11 марта 1938 года, расстреляли 30 июня 1938 года. Когда родственники уже в 60-х годах прошлого века знакомились с его делом, то с удивлением узнали, что ему вменялась в вину неправильная кладка печек, отчего они разваливались.”

Сведения о Захарии Николаевиче есть также в статье “Урик. История Спасского храма (из госархива)”.¹

“В 1907 году в Спасской церкви начал служить Священником 23-летний внук Протоиерея о. Петра Благодского «за штат» — о. Захария Тихомиров. И уже при нём, в нижнем этаже Храма сложена новая голландская печь.

... Священник о. Захария Тихомиров получает казенного жалования — 300 рублей, доходов — 500 рублей и за преподавание Закона Божия — 30 рублей в год.

... По объявлению Русско-Германской войны, в сентябре 1914 года, по личному прошению Протоиерей о. Захария Николаевич Тихомиров был призван на военную службу в действующую армию. Вместо него временно стал служить его дед — заштатный священник о. Петр Иванович Благодский.”

Дедушка очень ценил образование и стремился дать его своим детям, а также братьям и сестре, хотя самому пришлось учиться недолго, так как должен был работать и поднимать братьев, сестру и собственных детей. И всех выучил, кроме самого младшего сына Николая, который к учёбе не стремился.

Своих младших братьев Захария и Агафангела, а также старшего сына Семёна он определил в Иркутское духовное училище. После его окончания они продолжили обучение в Духовной семинарии.

Чтобы получить светское образование, ехали учиться в Томск. Там, в отличие от Иркутска, было довольно много учебных заведений: с 1838 года действовала Губернская мужская гимназия, а в 1863 году была открыта Мариинская женская гимназия — первое в городе среднее учебное заведение для девочек.

В 1877 году открылось реальное училище, а поскольку оно не могло вместить всех успешно сдавших приёмные экзамены, в 1911 открыли ещё одно.

---

¹<https://spas-urik.cerkov.ru/2021/05/10/istoriya-xrama-arxiv>

Алексеевское реальное училище, Томск, начало 20 века

Томский университет, начало 20 века

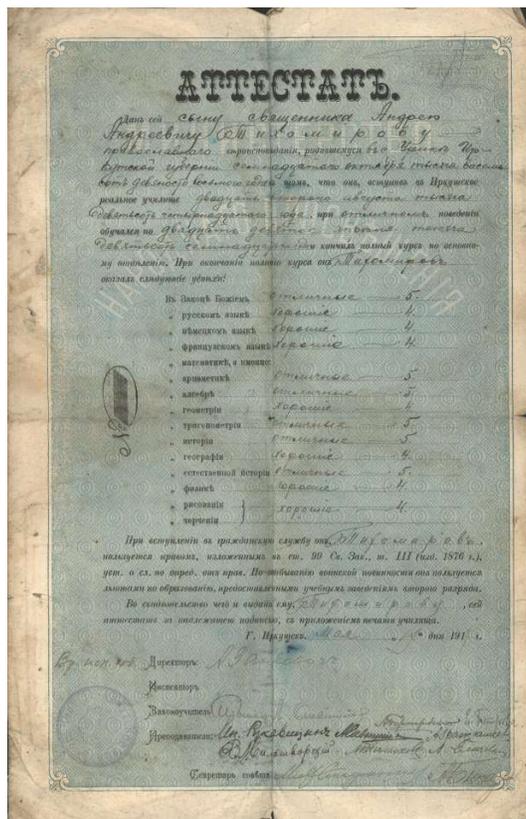
В 1888 году в Томске открылся университет, в 1900 году Технологический институт, а в 1910 — Сибирские высшие женские курсы. Туда, в Томск, дедушка и отправил учиться троих своих детей и младшую сестру. По-видимому, Семён учился на медицинском факультете университета, Анна и Елена — в Мариинской женской гимназии, где можно было получить профессию учительницы младших классов, а Андрей — в младших классах реального училища.

Жили все вместе на частной квартире, там же и питались — для всех готовила квартирная хозяйка. Сохранились фотографии, сделанные в Томске. Вот одна из них, на обороте которой написано: “Дар от нас, здесь находящихся, всем близким нашему сердцу в Громах. Ваши Тихомировы. Снят 4-го января 1912-го года.”

Слева младшая сестра дедушки Анна Николаевна, а дальше его дети: Елена, Андрей и Семён. Томск, 1912 г.

После окончания гимназии девушки вернулись в Иркутск и стали работать учительницами. Андрей был существенно младше остальных, поэтому уехал из Томска вместе со всеми и стал учиться в следующем классе Реального училища уже в Иркутске, где оно к тому времени открылось (1912). Сохранился аттестат об его окончании. Андрей собирался продолжить образование в Технологическом институте, но не успел. Как видно из аттестата, в Иркутское реаль-

ное училище он поступил 22 августа 1914 года и окончил его в мае 1917 года, уже после Февральской революции. А в октябре грянула ещё одна революция, и пришлось решать совсем другие проблемы.

Семён Андреевич был существенно старше, поэтому успел выучиться на врача и уехать в Казахстан ещё до революции. Он был ларингологом, причём очень хорошим, к нему приезжали на приём со всего Казахстана. Впоследствии ему было присвоено звание заслуженного врача.

Родился Семён Андреевич Тихомиров 19 сентября 1887 года. 25 мая 1907 года окончил Иркутскую духовную семинарию, и 24 августа 1907 года принят в Томский университет на первый курс медицинского факультета, который окончил в 1914 году. После трёх лет обучения сту-

денты, по-видимому, проходили врачебную практику, а уже потом заканчивали университет. Известно, что Семён Андреевич проходил практику в учебном госпитале станции Портновой в 1910–1911 гг. Все эти сведения взяты на сайте Томской электронной библиотеки¹.

После окончания университета, перед тем как уехать в Казахстан, Семён Андреевич какое-то время работал сельским врачом в Селенгинске Забайкальского края.

Возможно, ещё в Томске Анна Николаевна и Семён Андреевич влюбились друг в друга. Так или иначе, всё кончилось их свадьбой — племянник женился на своей родной тёте. Дедушка был против этого брака и даже прекратил на какое-то время с ними отношения. Но потом смирился, простил. В последние годы своей жизни, уже больной, он жил у них. Вылечить его не удалось, похоже, что у него был рассеянный склероз. Там, в Семипалатинске, его и похоронили. А бабушка после его смерти вернулась домой и всегда жила с нами.

Бабушка и больной дедушка в Семипалатинске, ок. 1930 года

¹Сведения на сайте <https://elib.tomsk.ru/purl/1-37486/> Семестры VII–VIII, 1910–1911 учебный год, стр. 62.

После замужества Анна Николаевна уже не работала в школе, а вела хозяйство и воспитывала детей. У них было двое сыновей, причём старший родился с болезнью Дауна. Анна считала, что беда эта вышла из-за слишком близкого родства её с мужем. Она была очень религиозная женщина и всё время замаливала свою вину. Второй их сын, Валерий Семёнович, был щедро наделён способностями в самых разных областях и имел разнообразные интересы — он окончил университет, великолепно рисовал и очень хорошо играл на фортепиано.

В Интернете многократно упоминается книга Валерия Семёновича Тихомирова “Сезонные изменения некоторых отражательных свойств растений и вопрос о растительности на Марсе”, изданная в 1951 г. Академией наук Казахской ССР. А в общественно-политической газете Казахстана “Время” от 20 апреля 2011 года можно прочитать:

“В Семее открылась выставка, посвящённая самому знаменитому астроному города Валерию Тихомирову.

Мы совсем не случайно решили напомнить горожанам его имя в 50-летний юбилей освоения космоса,— сказал организатор выставки, краевед Валерий Колбин. 10 лет, начиная с 1962 года, он возглавлял станцию наблюдения за искусственными спутниками земли. Валерий Тихомиров выдвинул гипотезу, что в условиях Марса из всех земных растений смог бы выжить... семипалатинский реликтовый сосновый бор! Знал бы астроботаник, что в 90-е годы треть уникального бора будет варварски уничтожена землянами...”¹

Вениамин Андреевич — второй по старшинству сын бабушки и дедушки — был офицером, участвовал в Первой мировой войне 1914 года. С войны он не вернулся, и я никогда не видела ни одной его фотографии. Но тётя Нина, его младшая сестра, вспоминала о нём как об очень добром человеке, которого горячо любили именно за его доброту.

Недавно Оксане Шагинян удалось найти сведения о Вениамине Андреевиче Тихомирове: “Старший унтер-офицер 81-й пехотный Апшеронский полк Императрицы

---

¹<https://time.kz/news/archive/2011/04/20/i-na-marse-budut-sosenki-rasti>

Екатерины Великой, ныне Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича. Участвовал в 1 мировой войне 1914 г. Ранен, умер 24.04.1915 в дивизионном лазарете 52 дивизии д. Совино.”

Ирина Андреевна и Нина Андреевна учились в Иркутске, обе получили право преподавать в младших классах и всю жизнь работали учительницами. Но о них и об их семьях будут отдельные рассказы.

Дом на хуторе

Одно из самых ярких воспоминаний моего раннего детства.

23 февраля 1927 года. В этот день родился мой братик, которого называли Вениамин — Вена, Мина. Роды проходили дома, и мне уже известно, что у меня появился брат. Через открытую дверь вижу, что мама лежит на кровати, а он, завернутый в одеялко, в большом плетёном кресле, стоящем рядом с кроватью. Мне неполных три года. Очень хочется на него взглянуть, но я почему-то стесняюсь его, как взрослого, и не решаюсь войти. Тогда я придумываю “дело”: мне надо поставить мой ящик с игрушками под кресло. Но войти “по делу” тоже не решаюсь, и стою с этим ящиком в дверях. И тут меня замечает мама: “Лидочка, Лидочка! Иди сюда, смотри на братика сколько хочешь.”

Моё раннее детство прошло в селе Быково. Это примерно в 60 км. на северо-запад от Иркутска, немного не доезжая до Усолья-Сибирского. Село это старое, оно основано около 1700 года. К 1910 году в селе числилось 132 двора и проживало 717 человек. Хозяйства были крепкие, крестьяне в большинстве своём зажиточные. Из рассказов взрослых я знала, что в конце 19 века там было три деревянных церкви, две из которых сгорели во время пожара 1895 года. Осталась одна — церковь св. Апостолов Петра и Павла. Она стояла в центре села, огороженная забором. Внутри ограды находились ещё какие-то строения, в том числе — церковно-приходская школа. Никогда я больше не видела такой нарядной церкви — она вся сверкала от позолоты: иконы в позолоченных окладах, позолоченные подсвечники, и росписи тоже с позолотой.

Когда-то мой дедушка Андрей Николаевич Тихомиров был там священником. Тогда он с семьёй жил в служебной квартире рядом с церковью. Ко времени моего рождения (1924) он уже не служил, и семья жила в собственном доме на хуторе, рядом с Быково.

Эти изменения произошли с приходом новой власти, которая

Бывшая церковь св. Апостолов Петра и Павла. Фото 2023 г.

ввела на селе продразвёрстку. Крестьяне должны были сдавать государству все излишки хлеба и других продуктов. При этом “излишками” часто называли вообще все продукты, какие имелись в хозяйстве. У одного из крестьян совсем было нечего взять, тогда у него забрали корову, единственную кормилицу, оставшуюся у семьи. Увидев это, дедушка возмутился, выбежал и стал кричать: “Да гоните вы их всех отсюда!” Власти надавили на начальство в епархии, и дедушка был отлучён от церкви.

С тех пор семья поселилась на хуторе, недалеко от села, где находилась мельница и несколько домов. Там дедушка начал строить пятистенный дом. Одну половину должны были занять они с бабушкой и ещё неотделившимися детьми, а другую — мои родители. На деле строительство затянулось, и ещё зимой 1927 года все жили на одной половине. Я это точно помню, потому что мама с моим новорождённым братом Веней находилась там, и только через какое-то время после его рождения мы переселились во вторую половину, где жили до отъезда из Быково в 1933 году. Этот дом так и не был достроен до конца.

Дом на хуторе

В палисаднике

Там, где три окна, половина дедушки с бабушкой, а где два — там наша. Впереди отгорожен палисадник, который на фото кажется небольшим, но на самом деле он огромный. Там бабушка разводила цветы, там же было несколько пчелиных ульев. Вот он изнутри, здесь хорошо видны его истинные размеры. Бабушка что-то поливает, а папа, защищённый сеткой от пчёл, вынимает рамку с мёдом.

Через открытые ворота видны сарай (слева) и конюшня. Приставная лестница ведёт на вышку, где у дедушки хранилось огромное количество книг и журналов.

Конюшня и сарай

Справа от конюшни была изгородь с калиткой на задний двор, где располагались помещения для домашнего скота. Там была стайка для коров и коз. Там жили куры, утки, гуси и индюки.

Слева от сарая — баня. Вход в баню под навесом. Я на этом снимке подкармливаю кур, которые свободно ходили по всей усадьбе. А слева от бани, за телегой, видна калитка в огород.

Огород у нас был замечательный. Дедушка любил разные редкости и выписывал по почте семена всевозможных культур, о которых в тех краях и не слыхивали. Сразу за скотным двором, возле колод-

Баня и навес

В нашем огороде

ца, у нас росли арбузы и дыни, тыквы и кабачки. У нас же впервые появились помидоры, которых никто в этих краях не выращивал. Соседи на них смотрели, как на диковинку. А ещё наш огород был замечателен тем, что там был небольшой естественный водоём, куда каждую весну прилетали дикие утки и жили там всё лето до осеннего отлёта.

На этом фото хорошо виден дом и огород соседей, а на нашем огороде видны только мы с подружкой Людой и брат Вена. Судя по его возрасту, это примерно 1930 год.

Следующая фотография была сделана в мае 1928 года среди цветущей черёмухи, вероятно, ради нас с папой. Но вдали видна панорама всего нашего хутора со стороны огородов. Видно, что он в низине. Справа, на берегу пруда, — водяная мельница. Левее — большой дом мельника, на котором хорошо видно шесть окон. Здесь же его усадьба. Ещё левее видно несколько домов с усадьбами. Один из них наш, он предпоследний. А вдали повсюду поля. Их возделывали жители этих домов.

На двух других фотографиях дома на хуторе видны с близкого расстояния, но с противоположной стороны, так что мельница осталась за кадром слева.

Дома справа от мельницы

Мужичок с ноготок

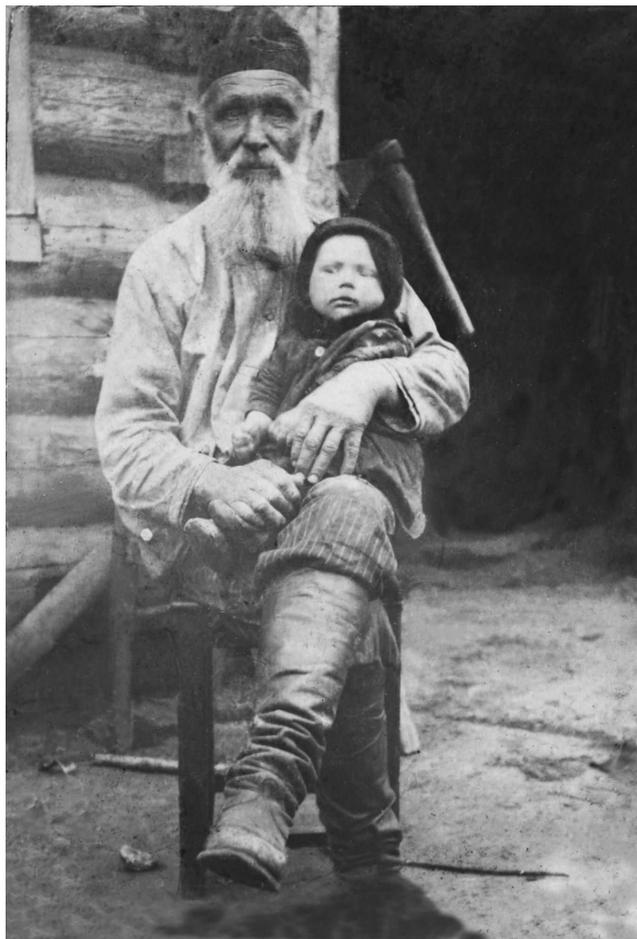
На первой дома и надворные постройки образуют что-то вроде единственной улицы. Слева хорошо виден дом Степана Фомича. У него четыре окна с белыми ставнями, а впереди отгорожен большой палисадник. Наш дом за кадром справа.

А на второй продолжение той же улицы. Трёхлетний Вена, ведущий лошадь на поводу — это, конечно, постановочный кадр. Наверняка папа в это время весело декламировал стихи Некрасова “Мужичок с ноготок” — он помнил великое множество стихов на все случаи жизни. Но здесь хорошо видно расположение нашего дома в ряду соседних домов. Крайний справа — дом Нерадовских. Он последний, дальше уже нет никаких домов. Предпоследний — наш. Его легко узнать по расположению окон — три и два — и по недостроенной крыше. Облицовку её фасадной части так никогда и не сделали.

Дедушка мастерит возле бани

Дедушка не был хорошим хозяином. У него были совсем дру-

Андрей Николаевич с Веной, 1928

гие интересы. Он много читал, увлекался медициной и, как говорила бабушка, любую копейку тратил на приобретение всевозможных лекарств. Не только хуторяне, но и заболевшие жители Быково и соседних сёл обращались к нему. Он лечил всех, никогда не спрашивая денег за лекарства. Если кто-то платил за них или приносил продукты — он не отказывался, но кто ничего не давал, тот всё равно без лекарства не уходил. Дедушке нравилось осваивать разные ремёсла, и, лишившись должности священника, он подрабатывал

самыми разными способами. Его любимое место во дворе было возле бани, где он всегда что-нибудь мастерил. На фото он ремонтирует самовар, а рядом крутится внук Вена, которого дедушка очень любил. Внук тоже льнул к деду с самого раннего детства. На всех групповых фотографиях он если не на руках у дедушки, то рядом с ним.

Я видела, как дедушка плёл из прутьев ловушки для рыбы. Их почему-то называли мордами. Он также плёл рыболовные сети. В реке Балей, протекавшей неподалёку, и на озере возле мельницы тогда было много рыбы.

Дедушка ловит рыбу на озере

На следующей фотографии запечатлены почти все постоянные жители нашего дома на хуторе. Здесь бабушка с дедушкой, мама и мы с Веней. Недостаёт только папы, который фотографирует, и его младшего брата Николая, который не знаю где. Хозяйство было общее, но жили мы к тому времени отдельной семьёй в нашей

Наша семья, 1929

половине — в той, где два окна. В нашей половине всё было предельно просто. Стол и лавки были сделаны своими руками. Украшали комнату только образа.

В половине дедушки всё было иначе. Там сохранились остатки бывшего “великолепия”: дедушкин огромный письменный стол, фисгармония, плетёное кресло и венские стулья. Всё это было фабричной работы и по сравнению с нашей самодельной мебелью казалось необыкновенно изящным и красивым. На стенах были развешены картины, написанные их старшим сыном Семёном Андрееви-

В нашей половине. Мама, папа и мы с Веной, 1929

чем. Это были пейзажи. Папа в ранней молодости тоже рисовал, но потом уже было не до того. Мой брат Вена был очень способным карикатуристом, а я начинала свою трудовую карьеру на Иркутском авиационном заводе в качестве цехового художника.

Бабушка любила чистоту и порядок и всегда сама его поддерживала. На окнах у неё было много разнообразных цветов, и они всегда были ухожены. Делая уборку дома или работая на усадьбе, она всегда пела. У неё был очень красивый голос — папа считал его редкостно красивым — и прекрасная музыкальная память. Она помнила великое множество народных песен, романсов, и они постоянно звучали в нашем доме. Меня она тоже побуждала петь вместе с ней, и я всегда подпевала. Кроме того, она пела в церковном хоре.

Вообще музыка занимала в нашем доме весьма важное место. На фисгармонии играл мой дедушка, его младший брат Захарий и папа. Когда много лет спустя мы купили пианино для моей дочери

Милы, папа подошёл к нему и тут же стал играть, поскольку клавиатура пианино и фисгармонии устроена одинаково. Кроме того, папа играл на разных народных инструментах: мандолине, балалайке, гитаре. На мандолине — особенно часто и виртуозно. Его младшая сестра Нина Андреевна тоже играла на мандолине и гитаре, а их младший брат Николай — на гитаре. Когда собиралась компания — пели все вместе, иногда гости присоединялись также и к игре на музыкальных инструментах. Мне папа купил небольшую гитару и учил на ней играть, а брата Вену учил играть на балалайке. Потом, уже в Иркутске, у нас появился патефон, и папа постоянно покупал пластинки с классической музыкой. Среди прочей классики был, например, огромный альбом пластинок на 78 оборотов с записью всей оперы Чайковского “Евгений Онегин”.

Папа и мама

Андрей Андреевич Тихомиров, 1917

Мой папа, Андрей Андреевич Тихомиров, был пятым из семерых детей. Он родился 30 октября 1898 года. Учился в Реальном

училище в Томске, а когда открылось такое же училище в Иркутске, его перевели туда. После его окончания папа собирался поступать в Томский технологический институт, но в феврале 1917 года произошла одна революция, в октябре другая, и планы пришлось поменять.

Какое-то время он поработал в Быково учителем, но при новой власти в школе стали вводить новые порядки, которые папе не нравились. Он считал, что виновата в этом Крупская, которая занимала в то время должность председателя Главполитпросвета при Народном комиссариате просвещения. Из школы он ушёл, но не знаю, куда. На моей памяти он уже работал в Геологоразведке — вначале лаборантом-коллектором, потом прорабом.

Ксения Иннокентьевна Тихомирова, урождённая Быкова

Ксению Быкову он знал давно — она училась в одном классе с его сестрой Ниной. Ксюша была из семьи очень крепкого крестьянина Иннокентия Васильевича Быкова. Она была на три с половиной года младше его и тоже пятая из семерых детей. Красивая, добрая, работающая, с ровным характером, она обладала к тому же природ-

ным умом и врождённой интеллигентностью, и хотя закончила всего лишь церковно-приходскую школу, интересы имела самые разнообразные.

Когда она собралась замуж за папу, отец её отговаривал. Он предупреждал, что брак этот неравный и в семье своего мужа она навсегда останется на положении работницы. Но Андрей Андреевич был человеком с огромными знаниями, казалось, что он знает всё на свете: история, литература, физика, космос, искусство... Его всё интересовало, он всё изучал, обо всём думал и рассуждал. Ни с кем ей не было так интересно, как с ним; никто ей был не нужен кроме него. В 1923 году они поженились, и она поселилась в доме Тихомировых на хуторе.

Андрей Андреевич и Ксения Иннокентьевна Тихомировы

Работать приходилось и в самом деле много. Но ведь и в доме своего отца она привыкла работать наравне с мужчинами, как и

её сёстры. Отношения с новыми родственниками сложились самые наилучшие. Свекровь её сразу приняла и полюбила, а впоследствии всегда хотела жить только с ней.

Анисия Дмитриевна Тихомирова со снохой Ксюшей

Вскоре пошли дети: 1 апреля 1924 года появилась я, 23 февраля 1927 года Вениамин, а 23 февраля 1933 года — двойняшки Иннокентий (Кена) и Андрей.

Оба названы именами своих дедов. Кстати, Вениамину тоже не случайно дали это имя — так звали погибшего во время Первой мировой войны брата моего папы. Мне же по церковному календарю должны были дать имя Дарья, но мама сказала, что хочет назвать меня Лидией. Никто не возражал, так и назвали. Иннокентий походил на мамину родню, больше всего на её племянника Константина Артемьевича Быкова. А Андрей походил на дедушку Андрея Николаевича Тихомирова. Этот малыш постоянно требовал соску, и его стали называть Дудочкой.

Близнецы Кена и Андрейка, 1933

Мама с близнецами, 1933

Вскоре после рождения близнецов наша семья переехала в Иркутск, и начался новый этап нашей жизни. Когда им было полтора года, оба заболели дизентерией. Кена справился с болезнью, а Дудочка умер. Это был жестокий удар для родителей. Папу этот удар сломил. До того времени он никогда не пил спиртного, а тут выпил целую бутылку водки и совсем не опьянел, но стало легче. С этой бутылки появилась потребность снимать стрессы таким эффективным способом, а это привело к привыканию со всеми вытекающими последствиями.

Мама с Кеной, 1935

Папины сёстры

Старшие дети бабушки и дедушки после окончания учёбы разъехались кто куда. Семён Андреевич, окончив Томский университет, поселился в Семипалатинске и в Быково больше не приезжал. Я никогда его не видела.

Елена Андреевна после окончания Томской женской гимназии жила в Иркутске. Она преподавала в вечерней школе для взрослых. Иногда приезжала к родителям, но нечасто и ненадолго.

А вот Ирина Андреевна подолгу жила у них всей семьёй, поскольку жизнь её сложилась не очень удачно. Семнадцати или восемнадцати лет она окончила в Иркутске женское училище духовного ведомства и получила право преподавать. На этом фото 1913 года она уже молодая учительница и невеста, ожидающая своего жениха.

Ирина Андреевна Тихомирова. 21 октября 1913, Иркутск

Смолоду она влюбилась в офицера Николая Александровича Вемберга и много лет ждала его, пока он вернётся из армии. Потом началась Первая мировая война, в который он участвовал — она снова ждала его возвращения. Наконец он вернулся, и они поженились. Уже в 1918 году появилась их первая дочка Зоя, через

три года сын Иннокентий, а в 1926 году ещё одна дочь — Лида.

Вначале супруги преподавали в деревенской школе в селе Горохово. Потом Николай Александрович стал работать бухгалтером, но не в Горохово, а где-то далеко, в разных местах. Почему он всё время менял место работы? Прежде всего, потому что в Быково негде было работать, но другая причина крылась в его биографии — он имел несчастье быть отставным офицером царской армии, а это клеймо на всю жизнь. Таким клеймом для их сына Кеша стала его немецкая фамилия Вемберг. Во время Второй мировой войны он воевал против фашистов наравне со всеми, пока не погиб. Но кроме обычных тягот войны терпел ещё издевательства от собственных товарищей. Для них он был немец, а значит — «фашист».¹

Не знаю, был ли Николай Александрович пьяницей раньше, но на моей памяти он всё время пил. Напившись, он был ужасен; к тому же пропивал всё, что зарабатывал. А тётя Ириша работала в школе в две смены, чтобы прокормить детей и мужа, когда он приезжал домой. Спасением было то, что все летние месяцы она вместе с детьми могла проводить у родителей.

Вот две фотографии, сделанные в 1927 и в 1925 годах. На верхней к дедушке с бабушкой приехали родственники из разных мест. Сидит в центре младший брат дедушки Захарий Николаевич со своей женой Марией Егоровной. Они приехали из Горохово. По краям сидят бабушка и дедушка — дедушка, как всегда, с маленьким Венной на руках. Между ними рассыпаны дети: в центре я, по краям — Кеша и Зоя Вемберги. Сама тётя Ириша стоит с годовалой Лидой на руках, рядом с ней их нянька. Впятером они приехали на всё лето из Горохово. По другую сторону от неё стоят Панины — старшая дочь бабушки и дедушки Елена Андреевна с мужем. Их единственная дочка Вера пока ещё не родилась.

На нижней кроме бабушки с дедушкой, мамы (со мной на руках) и папы, запечатлены тётя Ириша и двое её детей — Зоя и Кеша. Её младшая дочка Лида ещё не родилась, она появится только через год. Справа стоит совсем молоденькая, ещё незамужняя тётя Нина (Анисия) — моя крёстная мать.

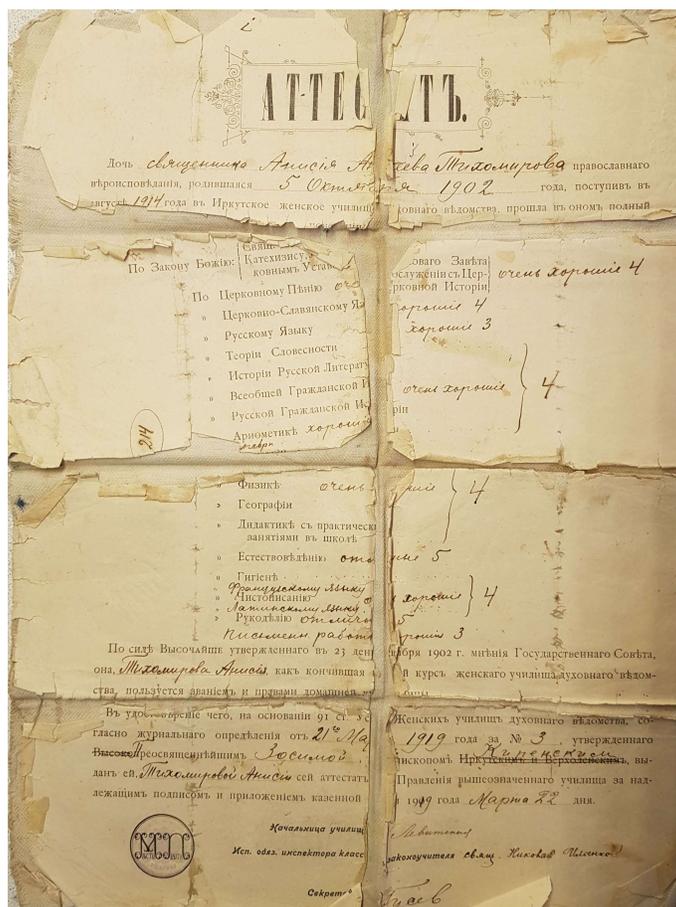
¹Где Иннокентий воевал и как погиб, долгое время не было известно, пока Оксана Шагинян не обнаружила данные о нём на сайте «Память народа 1941–1945»: «Вемберг Иннокентий Николаевич род. в 1922 г. (г.Иркутск) — 02.04.1943 безвозвратные потери 30 ошр (отдельной штрафной роты), Большое Кузьмино (сейчас г. Пушкин), Ленинградская обл. Беспартийный. Красноармеец. До ВОВ работал на автобазе Якуттранса. Последнее место службы — штаб 42 армии (писарь).»

Приехали Панины, Вемберги и Тихомировы, лето 1927

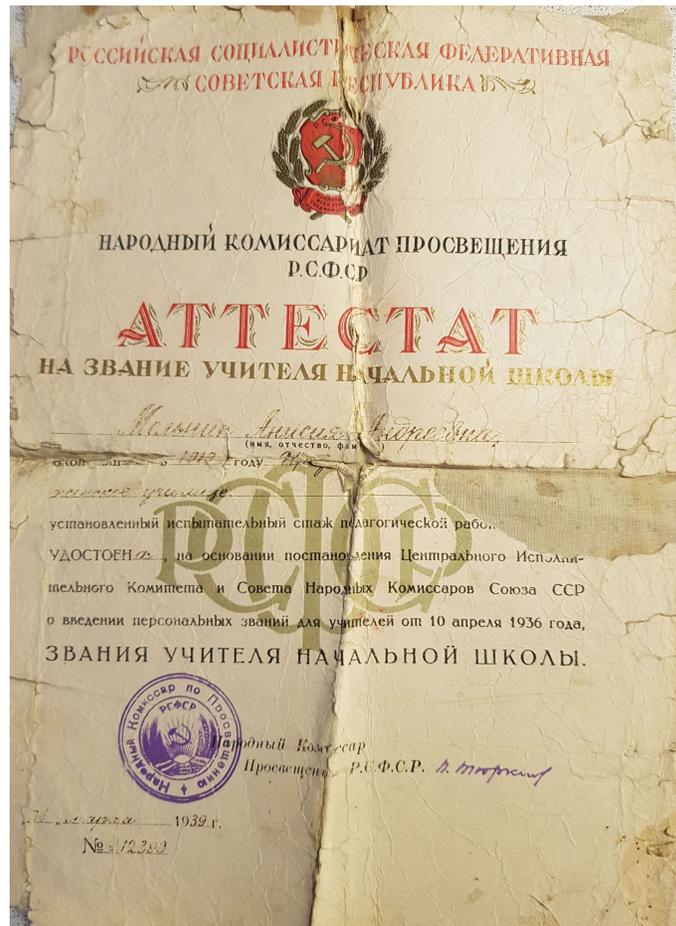
Приехали дочери и внуки, октябрь 1925

Аттестат Анисии Андреевны Тихомировой, 1919

Она тоже учительница. В 1919 году крёстная окончила Иркутское женское училище духовного ведомства и получила звание домашней учительницы. Но никаких домашних учительниц в 1919 году уже не требовалось, и все выпускницы преподавали в начальных школах. Тётя Нина работала в какой-то из соседних деревень. Вот как выглядит аттестат духовного ведомства.

С 1936 года таким учительницам, прошедшим испытательный стаж, Народный комиссариат просвещения РСФСР стал выдавать соответствующий аттестат, подтверждающий их право преподавать

Аттестат Анисии Андреевны Мельник, 1939

в советской школе. Тётя Нина получила его в 1939 году, имея 20 лет преподавательского стажа.

Работая в какой-то соседней деревне, тётя Нина часто приезжала к нам в Быково. С моей мамой они были одного возраста (1902 года рождения) и всю жизнь были связаны узами дружбы. Когда оказывались далеко друг от друга — переписывались.

Я любила приезды крёстной, т. к. она всегда уделяла мне особое внимание. Она обязательно привозила мне какой-то гостинец. В то

Н. А. Мельник и К. И. Тихомирова, 1930

Крёстная приехала, 1925

время ничего невозможно было купить, и какая-нибудь совсем простая конфетка казалась невиданным лакомством. Игрушек и вовсе не было, но тётя Нина умела делать их из разных подручных материалов и всегда одаривала меня этими самодельными игрушками. Она что-то читала мне, рассказывала и показывала — словом, была настоящей крёстной матерью, и я была к ней очень привязана.

Примерно в 1928 году она вышла замуж за агронома Лонгина Маркияновича Мельника и уехала с ним в Баяндай, где он тогда работал. Это было большое село в Усть-Ордынском бурятском округе Иркутской области, очень старое, основанное ещё в 17 веке, в 130 км. на северо-восток от Иркутска. Вскоре у них родился сын Юрочка, который умер от какой-то болезни, не прожив и года. Тётя Нина так тяжело пережила его смерть, что её здоровье сильно расстроилось. 2 августа 1931 года у них родилась дочка Ариадна (Аря).

Лонгин Маркиянович Мельник с дочкой Ариадной, 1932

Бабушка с внуками Лидой Веной и Арей, 1932

К концу зимы стало ясно, что без настоящего лечения тётя Нина просто пропадёт. Моя мама уговорила её поехать на курорт, пообещав приехать в Баяндай, чтобы на это время взять на себя хозяйственные заботы и маленькую Арю.

В конце зимы или ранней весной (ещё был снег) по дороге на курорт крёстная приехала к нам вместе с Арей, чтобы показать бабушке внучку, а сама поехала лечиться. Сохранилась фотография бабушки с тремя внуками, которая могла быть сделана только тогда. Дедушки уже не было.

Взяв меня и Арю, мама поехала в Баяндай. Ехали на лошадях, кажется, это была тройка. Меня мама взяла в качестве помощницы,

хотя мне тогда не было ещё и восьми лет. Когда она ходила доить корову или кормить скот, я водилась с Арей. Там мы пробыли примерно три недели, и я помню, каким долгим мне показался этот срок, как сильно я скучала по дому и по бабушке. К счастью, лечение тётке Нине помогло, она вернулась поздоровевшей и окрепшей, а мы отправились домой. Впоследствии мы с Арей стали близкими друзьями, а родившийся у тётки Нины в 1933 году сын Евгений стал другом моего младшего брата Иннокентия. Они были одногодки, их одновременно призвали в армию из разных регионов, но по воле случая они оказались в одной и той же воинской части и пять лет службы на Курильских островах провели вместе.

Из семейного альбома

В нашем семейном альбоме скопилось так много фотографий, потому что папа серьёзно увлекался фотоискусством. Фотоаппараты тогда были огромные. Их устанавливали на штатив, а внутрь вставляли фото-пластины. При этом папа вместе с фотоаппаратом накрывался чёрной тканью и священнодействовал под ней, что-то настраивая. Дома у него была целая химическая лаборатория. Все реактивы он взвешивал на специальных маленьких весах. А однажды он принёс домой стереоскоп и стал делать для него двойные снимки. Когда на эти два снимка смотрели через стереоскоп, изображение становилось объёмным. Это было захватывающее зрелище! Некоторые из этих двойных снимков, наклеенных на картон, сохранились до сих пор, но стереоскоп уже давно где-то потерян. К счастью, сохранилось много обычных фотографий, на которых рукой папы сделаны надписи: “Пасха 1927 года”, “Друзья, март 1930 года” или просто проставлена дата съёмки.

На всех этих снимках видно, как скудно мы жили в то время, как непросто было с одеждой. Мама всё шила сама — и себе, и нам, — чаще всего перешивала из старого. Но в доме у нас всегда был мир, никогда не было никаких ссор или ругани. Детей никогда не наказывали, просто спокойно объясняли, что чего-то делать нельзя, и мы с Веней всегда чувствовали, что нас любят. А это — самое главное.

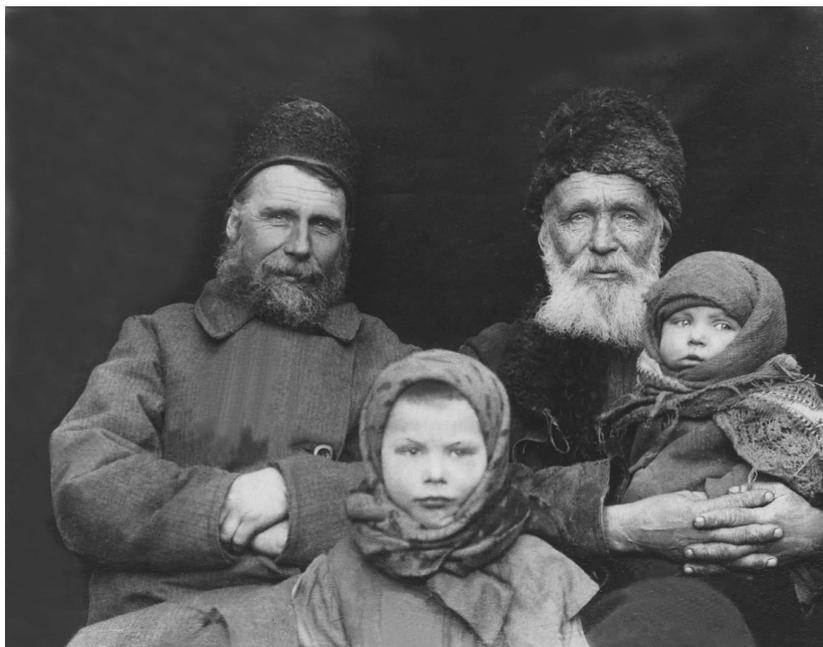
Пасха 1927 года. Андрей Андреевич и Ксения Иннокентьевна Тихомировы с Лидой и Веней

Ксения Иннокентьевна с Лидой, Веней и няней в лесу, октябрь 1927

Лида с Веней, осень 1927

Андрей Николаевич Тихомиров с братом Захарием Николаевичем и внуками Веней и Лидой, 27 октября 1927

Друзья, март 1930 года

Из истории семьи Быковых

Мамины корни

Далеко в стране Иркутской,
Между двух огромных скал,
Обнесён стеной высокой
Александровский централ.

Эта старинная песня имеет самое прямое отношение к нашему роду по линии мамы. Александровский централ — это каторжная тюрьма, созданная в 1873 году на основе винокуренного завода, который тоже был каторжной тюрьмой ещё с 18 века. Она находилась в селе Александровском Иркутской губернии, примерно в 70 км на северо-запад от Иркутска.

Однажды из тюрьмы сбежала большая группа заключённых. Они скрывались в лесу и держали в страхе всё окрестное население. Один из крестьян случайно наткнулся на их убежище и сообщил об этом тюремному начальству. Уголовники были пойманы, но не все. Оставшиеся как-то узнали имя обнаружившего их крестьянина и вырезали всю его семью. В живых остался только один мальчишка — он спрятался в подвале под бочкой. Его звали Василий. Сироту приютили и вырастили соседи. Он и стал основоположником нашего рода по линии мамы. Известно, что он был искусный кузнец, имел две дочери и три сына. Один из его сыновей — мамин отец и мой дедушка Иннокентий Васильевич Быков (1857–1924).

Дедушку я никогда не видела. Он умер в 1924 году, как раз в год моего рождения. Ему было 67 лет. Всё, что я о нём могу рассказать, мне известно только из рассказов мамы и других моих родственников, знавших его лично. Не осталось ни одной его фотографии, только могила, рядом с которой сфотографированы мы с братом Веней.

В молодости он был призван в армию и отслужил там положенный срок. Когда вернулся, решил стать крестьянином. Женился на крестьянской девушке Харитине и стал жить своим домом. Жену он очень любил и относился к ней с большим уважением.

Семья была большая — три сына и пять дочерей: Аграфена, Иван, Мария, Василий, Артемий, Ксения, Евдокия и Наталия. Василий погиб во время войны 1914 года. Аграфена после замужества

У могилы дедушки Иннокентия Васильевича Быкова. Октябрь 1933

жила где-то далеко, и я её никогда не видела. Остальных знала и часто с ними встречалась, а осенью 1932 года, когда я пошла в 1-й класс, некоторое время жила в их доме, поскольку ходить в школу с нашего хутора было довольно далеко.

По словам очевидцев, дедушка был образцовым хозяином — на таких держится благополучие и достаток семьи. Всё, что он делал — делал на века. Но это означало, что дедушка сам работал не покладая рук, и вся семья тоже должна была трудиться в поте лица.

Дом в деревне дедушка когда-то купил у богатого купца. Это высокий пятистенный дом, сложенный из отменных брёвен, с резными наличниками и аккуратными белыми ставнями. Около дома — различные надворные постройки. И дом, и всё вокруг него сделано добротно и аккуратно, всё находится на своём месте. Такой порядок был заведён дедушкой, таким он оставался и после его смерти.

По тому же образцу дедушка выстроил и дом на заимке. Заимка была неотъемлемой частью крестьянского хозяйства. Вокруг села пахотных земель и пастбищ было недостаточно, поэтому приходилось выбирать и занимать подходящие участки вдали от села.

Выбирали место рядом с водой, расчищали подходящий участок и занимали его по праву первого владения. В Сибири никому не принадлежащих земель было много, и никто не препятствовал крестьянам занимать их. От “занимать” произошло и само слово “заимка”.

Большую часть года — от начала посевной и до окончания уборки урожая — все трудоспособные члены семьи жили и работали на заимке, поэтому дом и усадьба были сделаны удобными для жизни и ведения хозяйства.

Вот панорамный снимок нашей заимки. Хорошо видна вся усадьба с домом и надворными постройками.

Заимка

Видно, что усадьба находится на пригорке. Вдоль косогора тянутся поля, а за ними лес. Поля эти возникли не сами по себе, они были отвоёваны дедом у тайги.

Вокруг дома — надворные постройки. Справа к дому пристроена огромная кладовка. Ещё правее — сарай с деревянным настилом, где все спали в тёплое время года. К нему примыкает огород, где выращивали всю необходимую зелень и овощи. Их употребляли там же, на заимке. Сразу за огородом справа — погреб. Слева от него баня, а ещё левее от неё — колодец.

С другой стороны дома — скотный двор, где расположены стай-

ки для скотины и птицы. Перед ним ещё один колодец с журавлём. Вдали сплошной стеной устроены навесы, разделённые на отсеки. Везде образцовый порядок. Этот порядок был заведён ещё дедушкой Иннокентием Васильевичем и поддерживался после его смерти.

А вот и сам дом крупным планом.

Дом на заимке

Он как две капли воды похож на дом в деревне и гордо возвышается над остальными строениями. Дом аккуратно огорожен жердями. Вся усадьба тоже огорожена, но уже не так аккуратно. Сидеть на изгородях любят не только мальчишки, но и взрослые.

Здесь расположилась на жёрдочке моя мама (справа) со своей старшей сестрой Марией, рядом стоит их племянница Нина, дочь старшего брата Ивана. Внизу виден ручей.

В том же составе спустились вниз — побродить в ручье. К ним присоединились ещё двое: Женья (сестра Нины) и Фёкла Петровна, жена маминого брата Артемия.

Хотя и кажется, что поля находятся рядом с домом, в действительности расстояния там весьма внушительные. Чтобы не тратить время и силы на переходы, обед брали с собой из дому и перекусывали прямо в поле.

В центре мамин брат Артемий Иннокентьевич с женой Фёклой Петровной; ребёнок — скорее всего, кто-то из их старших сыновей (Костя?); мужчину слева я не знаю; остальные известны по двум

На изгороди

В ручье

Обед в поле

В поле

прежним снимкам: мамина сестра Мария Иннокентьевна и их племянницы Евгения и Нина. Видно, что последние три снимка сделаны в одно и то же время.

На следующем фото видны уже уложенные снопы, а справа навес от солнца, под которым жницы прилегли отдохнуть после обеда.

Пока всё взрослое население, включая старших ребяташек, жило и работало на заимке, младшие дети оставались в Быково с бабушкой Харитиной. Её полное имя Харитина Фёдоровна (1861–1950).

Харитина Фёдоровна Быкова с внучкой Лидой, 26 октября 1926

Лет ей здесь не так уж много — нет и шестидесяти, — но она давно уже без зубов. Ещё в молодости случилось несчастье. Она открывала ворота, чтобы впустить повозку с лошадьми. Лошади были усталые и разгорячённые. Почувствовав дом и предстоящий отдых,

они так рванули, что дверка ворот резко распахнулась и выбила ей зубы. Так всю жизнь и прожила без зубов.

Бабушка была отличная хозяйка, и в доме у неё всегда был образцовый порядок.

Помещения в доме были парадные и жилые. В жилом практически не было перегородок. Прихожая, кухня и столовая — это всё одно помещение. Здесь же огромная русская печка. Наверху, между печкой и стеной, деревянный настил — полати. Там было долго тепло от печки, там все спали вповалку.

По рассказам моей мамы, истинным хозяином в доме был их отец. Он был добр, но строг. Он никогда не ругал и не наказывал своих детей, но никому не приходило в голову его послушаться. Так, например, во время еды никто не должен был болтать или дурачиться. Если кто-то из детей не соблюдал этого правила, отец молча облизывал свою деревянную ложку и ритуально ударял ею шалуна по лбу. Этого было вполне достаточно. Есть положено было только за столом; никто не должен был “кусочничать”, т. е. таскать куски вне стола. Мать, видимо, не вполне разделяла эту суровость мужа, поэтому иногда баловала своих детей. Вот один из примеров. Она знала, что блины прямо со сковородки гораздо вкуснее, тогда они по краю хрустят, что особенно нравится детям. Дети это тоже знали, и всё время крутились вокруг. Когда отца не было рядом, мать совала им блины прямо со сковородки, что доставляло детям двойное удовольствие — от особенно вкусных блинов и благосклонной снисходительности матери.

Парадный зал был всегда нарядно убран. Там была красивая мебель, большие настенные часы с маятником, а в красном углу — образа и лампада. Этот зал предназначался для праздников и для гостей. К праздникам бабушка всегда готовила огромное количество праздничной еды, которая предназначалась как своей семье, так и всем, кто заходил в гости. В праздники односельчане ходили группами, пели, играли, а бабушка зазывала в дом всех проходящих мимо, щедро угощала их и раздавала угощение тем, кто стеснялся войти.

Мама

Моя мама, Ксения Иннокентьевна Быкова, в замужестве Тихомирова, родилась в селе Быково Усольского района Иркутской области 6 февраля. Папа говорил, что в действительности она родилась 2 февраля, а 6 её крестили, т. е. 6 февраля не день её рождения,

Ксения Иннокентьевна Тихомирова

а день ангела — день св. Ксении Петербуржской, в честь которой она получила своё имя при крещении. Но поскольку впоследствии документы получали по записям в церковной книге, в паспорте у неё тоже было написано 6 февраля, и поздравляли мы её всегда в этот день.

Она была шестым ребёнком а семье, после неё было ещё две младших сестры. Семья жила по строгим правилам. Все церковные обряды точно соблюдались, в том числе посты. Мама говорила, что у Быковых посты соблюдали куда более строго, чем у Тихомировых, в семью которых она пришла после замужества. Это её сильно удивляло.

Что касается строгих этических правил, воспринятых в детстве, то они сохранились у неё на всю жизнь, и она их внушала своим детям. Если кто-то из нас находил на улице какой-нибудь пустяк, она говорила: “Пойди и положи туда, где взял. Кто потерял, тот и

Наша семья: Мама, папа и мы с Веней

возьмёт на этом месте. Никогда не бери чужого”. “Никогда не обманывай! Говори только правду”. Это мы усвоили с самого раннего детства.

При этом мама была не просто доброй и справедливой, она излучала какую-то особую теплоту, которая всю жизнь притягивала к ней детей и взрослых, родственников и знакомых.

Вот к ним с папой приехали Колесовы — они жили в селе Александровском и иногда приезжали поговорить. Мама обязательно ставила на стол угощение и приглашала папиных родителей и их сына Николая, живущих в другой половине дома.

В центре сидит моя мама, совсем молодая. Слева от неё дедушка и бабушка Тихомировы с сыном Николаем, а справа супруги Колесовы. Папа настроил фотоаппарат и встал рядом с ними, но неудачно, так что в кадре оказалась только его правая рука.

Живя в семье Тихомировых, мама всегда продолжала поддерживать тесную связь со всеми Быковыми. На следующем фото она идёт на родную заимку. С пригорка, где она остановилась, хорошо виден дом, усадьба, поля. . . Она по-прежнему работала на заимке, особенно во время страды.

С гостями

Дорога на заимку

Через ручей к полю

Жатва

Мамины братья и сёстры

Братец Иван

Говоря о своём самом старшем брате, мама называла его братец Иван. Его семья жила в отдельном доме, который стоял на краю деревни, как раз по дороге к хутору, где жили Тихомировы. Он пас деревенское стадо и прогонял его на пастбище через хутор. В это время папа и сфотографировал его на фоне дома Степана Фомича, вместе со стадом овец.

Иван Иннокентьевич Быков

Я знаю, что его жену звали Ольга, но мне кажется, что я никогда её не видела и в доме у них никогда не бывала. А вот дядю Ивана хорошо помню. Он был весёлый и разговорчивый. У него было три сына и три дочери: Иван, Нина, Евгения, Георгий, Гавриил, Ксения. Его дети у нас на хуторе бывали очень часто, особенно дочери. Они приходились моей маме племянницами, а мне двоюродными сёстрами, но Нина и Жёня по возрасту были лишь немного младше моей мамы и всегда тянулись к ней как к ровне. Поскольку их дом находился близко от хутора, они часто приходили к нам — по делу

и просто так. А Ксюша, самая младшая из его дочерей, от нас не выводилась.

Вот Женя пришла к нам что-то прошить на швейной машинке, а мне здесь года три, и я наблюдаю, как она шьёт.

Евгения Ивановна Быкова

Эта швейная машинка немецкой фирмы Зингер уже тогда была очень старая. Она верно служила бабушке Анисье, потом моей маме, которая обшивала всю семью — она шила на ней всё, от распашонок до пальто и костюмов. Эта машинка сопровождала нас во всех наших переездах с места на место. На ней я вышивала, а потом обшивала всю мою семью. На ней научились шить моя младшая сестра Полина и моя дочка Мила, потом внучка Наташа. Теперь эта машинка на заслуженном отдыхе, но она всегда готова возобновить свою работу. Между прочим, зеркало, частично видимое справа на фото, тоже до сих пор нам верно служит.

А на этом снимке мама вместе с племянницами Ниной и Женей выбралась в лес собирать грибы. У мамы в руках корзина, у Жени ведро.

За грибами

Артюша

Своего брата Артемия Иннокентьевича мама называла Артюша. Во время войны 1914 года он был призван в армию, откуда его отправили на курсы военных фельдшеров. Эта военная специальность стала его профессией на всю жизнь.

После возвращения с войны он женился на Фёкле Петровне Бархатовой и поселился с ней в доме своего отца. Его жена была весёлой, доброй и работящей женщиной, она сразу стала любимицей всей семьи, где её ласково называли Феклушей. Бабушка Харити-нья была к ней очень привязана, и после смерти дедушки всегда жила вместе с семьёй сына, куда бы судьба не бросала эту семью.

У Артемия Иннокентьевича (ум. в 1969) и Фёклы Петровны

(1899–1972) было семь сыновей и две дочери: Константин (1920), Фёдор (1922), Пётр (1924), Иннокентий (1925), Александр (1928), Дина (1930), Валентина (1932), Юрий (1937), Владимир (1940).

Один из их сыновей, Иннокентий Артемьевич Быков, оставил довольно подробные воспоминания о своей семье, он назвал их “Далеко в стране иркутской”. Там есть небольшой рассказ и о наших общих предках.

Молодые Артемий Иннокентьевич и Фёкла Петровна ещё встретятся нам на общих снимках. Здесь же они сфотографированы уже в конце своей жизни.

Артемий Иннокентьевич и Фёкла Петровна Быковы

А следующая фотография сделана, по-видимому, в марте 1969 года, когда все дети с разных концов страны слетелись на похороны отца. Он умер 17 марта.

Сидит в центре Фёкла Петровна, слева от неё Дина и Пётр, справа Валентина и Иннокентий (автор воспоминаний). Стоит в центре Константин, слева от него Фёдор и Владимир, справа – Александр и Юрий

Маруся

Свою старшую сестру Марию Иннокентьевну мама называла Маруся. Как и другие члены семьи, она была работающей, хозяйственной и очень доброй. По рассказам моей мамы она так горячо

Семья Артемия Иннокентьевича Быкова, 1969

Мария Иннокентьевна Макарова (Быкова)

любила свою мать, что долго не хотела выходить замуж. А когда, наконец, вышла замуж за Якова Максимовича Макарова, живущего напротив их дома, родные мягко подшучивали: “Чтобы быть поближе к маме”. Детей у них не было, но с детьми своих родственников тётя Маруся прекрасно управлялась. Так, например, она вынянчила пятерых дочерей своей племянницы Лиды Клейнерман, дочери младшей сестры, Евдокии Иннокентьевны Хамхаловой.

Дуся

Мамина сестра Евдокия Иннокентьевна была на год или два её младше. Мама называла её Дусей. Внешне они походили друг на друга, но по характеру были очень разные.

Мама с сестрой Евдокией Иннокентьевной

Совсем молодой она уехала в Иркутск, работала на конфетной фабрике, а потом, кажется, на швейной фабрике. Вышла замуж за Ивана Хамхалова и в Быково бывала лишь наездами. В Иркутске они жили в предместье “Рабочее”. У них была всего одна дочь —

Лида. Зато Лида, выйдя замуж за Илью Клейнермана, родила пятерых дочерей. В 90-е годы она эмигрировала с ними в Израиль.

Таля

Самая младшая сестра моей мамы — Наталия Иннокентьевна — уехала в Иркутск вместе с Евдокией и вместе с ней работала на фабриках. Её семейная жизнь сложилась на редкость непросто. Первый муж был офицером. Его перемещали с места на место, вместе с ним ездила и Наталия. Очень скоро он погиб — не знаю, при каких обстоятельствах. Остался сын Игорь Кондаков. Он был примерно одного возраста с моим братом Кеной. Когда мы переехали и поселились в селе Смоленщина, Игорь часто бывал и даже подолгу жил у нас.

Наталия Иннокентьевна с Игорем и Кеной, 1937 г.

Через несколько лет тётя Таля вышла замуж за Быкова, вдовца с двумя сыновьями — Володей и Ильёй — и, тем самым, стала матерью троих сыновей. С мужем она приезжала в Смоленщину, и папа сделал несколько фотографий.

В начале войны муж Наталии Иннокентьевны был призван на фронт и погиб, а у неё на руках осталось три парня. Когда дети вы-

Наталия со вторым мужем, сестрой Ксенией и племянником Веней

Наталия с мужем, А. А. Тихомировым и Веней

росли, она вышла замуж в третий раз — за Константина Ходакова. Он был вдовцом с четырьмя дочерьми. Две были уже взрослые и жили отдельно, а две другие — Люба и Надя — подростки, которым она заменила мать.

Наталия с третьим мужем, Константином Ходаковым

Быковы и Тихомировы

Семьями Быковы и Тихомировы встречались чаще всего во время страды или в праздники. Летом любили устраивать совместные пикники. Вот три фотографии 1926 года. Я знаю далеко не всех, кто на них запечатлён; расскажу только о тех, кого знаю.

На лесной поляне, лето 1926

Прежде всего бросается в глаза группа в белом. Это сёстры Нина Андреевна Тихомирова, моя крёстная со мной на руках, и Ирина Андреевна Вемберг с сыном Кешей на руках. Обе они учительницы и летние каникулы проводят у родителей на хуторе. За ними Фёкла Петровна с сыном Кешей на руках, а справа от неё — Ксения Иннокентьевна Тихомирова, моя мама. Слева бабушка Харитинья, перед ней восьмилетняя Зоя Вемберг, а слева от бабушки — её старший сын Иван Иннокентьевич. Другой её сын, Артемий Иннокентьевич — крайний справа. Стоит со своим мужем Иваном Хамхаловым Евдокия Иннокентьевна. Они приехали в гости из Иркутска.

Пикник 29 июня 1926

В поле на заимке, 26 октября 1926 года

А вот на пикник взяли самовар. Сразу за самоваром семья Вембергов: Тётя Ириша, Зоя, Николай Александрович и Кеша. Правее — Евдокия и Иван Хамхаловы. Ещё правее, в белом — Феклуша, с краю — братец Иван, а за ним — мой папа. Стоит в белом — бабушка Анисия Дмитриевна Тихомирова. По левому краю снизу вверх: Яков Максимович Макаров, Артемий Иннокетьевич Быков, мама со мной на руках, её сестра Мария Иннокетьевна Макарова.

Дальше Тихомировы и Быковы в поле на заимке. В центре дедушка Андрей Николаевич Тихомиров со мной на руках, слева на соломе — бабушка Анисия. Справа от молотилки: моя мама, потом её сестра Наталия и папин брат Николай. Остальных я не знаю или не могу распознать.

В Смоленщине

Весной 1933 года, вскоре после рождения близнецов Кены и Андрейки, наша семья уехала из Быково, и мы поселились в селе Смоленщина, где находился Пенькозавод — новое место работы нашего папы. Вначале он работал бухгалтером, а потом директором этого завода.

Смоленщина находится километрах в десяти восточнее Иркутска. Живописнейшее место, где Олха впадает в Иркут. На берегу Олхи в то время стоял дом мельника и водяная мельница, из-за которой образовался залив, называемый Курьёй. Через Олху уже тогда был построен деревянный мост, а вдоль этой Курьи тянулась главная, если не единственная улица. Потом в доме мельника устроили амбулаторию. Куда девался мельник — я не знаю.

Дом, в котором папе дали служебную квартиру, был почти сразу за мостом, а школа, где я училась со второго по четвёртый класс, находилась по другую сторону моста. В этом доме мы прожили года два. Здесь умер от дизентерии Андрейка, один из близнецов. Здесь навещали нас мамыны и папины родственники. Папа любил фотографировать гостей на крыльце — вероятно, из-за хорошего освещения.

Кроме гостей, бабушки Анисии с Кеной и нас с мамой, на нижнем фото наша соседка по дому, очень добрая бабушка. Она жила в том же доме, но с другой стороны — дом этот был двухквартирный.

Вскоре мы переехали в другой конец Смоленщины, где папе дали большую служебную квартиру в четырёхквартирном доме на берегу Иркуты, рядом с Пенькозаводом. На том снимке, где мы с Лидой, Кеной и Игорем, хорошо виден тот самый четырёхквартирный дом и

Бабушка Анисия с семилетним Веней и гостями — Ниной и Костей Быковыми, 1934

В гостях папина сестра Елена Андреевна Панина с дочкой Верой

Мы с Лидой Вемберг, Кена и Игорь Кондаков

Ксения Иннокентьевна Тихомирова с соседками по дому, 1935

берег Иркутта. Лида и Игорь в то время часто жили у нас, а с пятого класса я стала жить у Вембергов в Иркутске, т. к. в Смоленщине была только начальная школа.

Посмотреть, как устроилась наша семья на новом месте, приезжали родственники из разных мест. Иркут в то время был широкий, и рядом с нашим домом был прекрасный остров. Когда к нам приезжали гости, непременно совершали прогулку на остров, часто там устраивали пикник. Вот фотография, на которой кроме нашей семьи (мама с Кеной и я), тётя Таля с Игорем и мамины племянники Нина и Костя. К тому времени семья Артемия Иннокентьевича жила в Тайтурске, а значит, Костя приехал оттуда.

Быковы на острове, ок. 1937

Скорее всего, вместе с ним приехала и бабушка Харитинья, и папа тут же запечатлел это событие — традиционно на пороге дома.

А дальше подряд три фотографии на острове: два групповых снимка, а на третьем тётя Дуся с племянником Игорем Кондаковым. Все они сделаны в один и тот же день и на одном и том же месте, что вполне естественно, если вспомнить, какого размера в то время были фотоаппараты. На первом групповом снимке мы с мамой, тётя Дуся с дочкой Лидой, тётя Ириша с Николаем Александровичем и Зоей, а также маленький Игорь, сын тётки Тали.

Анисия Дмитриевна Тихомирова и Харитина Фёдоровна Быкова — наши бабушки

На следующем фото к прежним персонажам добавились ещё два действующих лица: Иван Хамхалов и Лида Вемберг с балалайкой. Получилась другая композиция.

Дальше ещё одна групповая фотография — пикник на том же острове, но в другой раз и на другом месте. Стоит с удочкой Яков Максимович Макаров. Он был заядлым охотником и рыболовом. В первом ряду сидят: Кеша Вемберг, мама, я и тётя Ириша с мальчиком, которого я не знаю. Во втором ряду брат Вена, Николай Александрович Вемберг и Лида Хамхалова.

По фотографиям видно, что самыми постоянными нашими го-

Тихомировы, Хамхаловы и Вемберги на острове

К тем же добавились Иван Хамхалов и Лида Вемберг

Тётя Дуся с племянником Игорем

На острове в другое время и в другом месте

стями были Вемберги. Они подолгу жили у нас, особенно летом. Эта традиция сложилась ещё с тех пор, как мы жили на хуторе, и я к этому привыкла. Вот фотография 1926 года, где мы сидим на крыльце. Мне два года, рядом со мной сидят Зоя и Кеша Вемберги, а по краям соседские девочки.

Лида Тихомирова с Зоей и Кешей Вембергами. Фото 1926

Но с пятого класса мне пришлось жить в Иркутске в семье Вембергов, т. к. в Смоленщине была только начальная школа. Вот их семейная фотография, сделанная в этот период. В это же время, но несколько позже, сфотографированы мы с Лидой.

В то время между Иркутском и Смоленщиной не было регулярного транспортного сообщения, и на выходные приходилось добираться до дому любыми возможными способами. Иногда приезжал папа и забирал меня или нас с Лидой. Если он не приезжал, я шла домой пешком — одна или с Лидой. В сумерках каждый пень казался волком, но я всё равно шла, потому что сильно скучала по дому. Только дома я испытывала мир и душевный покой. Здесь были мама и папа, здесь была бабушка, здесь были мои братья...

Семья Вембергов. Сидят тётя Ириша и Николай Александрович с Кешей и Лидой. Стоит Зоя со своим другом

Лидя Вемберг и Лидя Тихомирова, 1938

Дома с братьями Веней и Кеной

Наша бабушка Анисия Дмитриевна Тихомирова

Наш папа Андрей Андреевич Тихомиров

Мама, Ксения Иннокентьевна Тихомирова, с Кеной

Мы все с мамой: я, Кена, Вена и Лида

Я рядом с мамой

Эта книга — лишь начало истории нашей большой семьи. Она адресована всем потомкам Петровых, Тихомировых и Быковых, она адресована всем их потомкам, которые носят уже другие фамилии, но принадлежат к тому же роду и хотят узнать и сохранить историю своих предков. Время быстротечно, в своём течении оно уносит людей и память о них. Сохранить память о тех, кому мы обязаны жизнью, зависит только от нас самих. Присоединяйтесь! Воспоминания, документы, фотографии и просто сведения о дорогих нашему сердцу предках соберём в одну большую живую книгу, а наши потомки дополнят её, чтобы не распалась связь времён и поколений, чтобы род наш всегда оставался живым.

Современные проблемы. Библиотека
Новосибирск, 2026